

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСОБЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В статье предлагается характеристика современных исследований этнической идентичности; раскрывается значение этнической идентичности в условиях неопределенности.

Ключевые слова: этническая идентичность, неопределенность, идентичность.

The article deals with characteristics of modern ethnic identity studies; the author reveals the importance of ethnic identity in the conditions of disbalance and uncertainty.

Keywords: ethnic identity, uncertainty, identity.

Современный человек живет в постоянно меняющемся мире. Для нормального жизнеобеспечения современного развитого общества необходим постоянный рост: изобретаются и вводятся в производство новые технологии производства всевозможных благ, расширяется ассортимент услуг и товаров на рынке. Рыночная экономика диктует жесткие условия выживания в рыночном пространстве. Исходя из этого, радикально меняется система ценностей человека эпохи индустриальных держав. Эрнст Геллнер определяет индустриальное общество как «общество постоянного и неуклонного роста» [2; 3].

Поскольку в реальности индустриального общества присутствует постоянный и неуклонный рост, постоянное обновление технологий, постольку и сам человек, ради благ которого создавалось это общество, становится подвижным и непостоянным. Основываясь на ценностях эпохи рынка, меняется и ценностное пространство сознания человека. На первый план выступает такая ценность, как компетентность, так как меняются способы производства, в которых использованы последние достижения техники, меняется в сторону постоянного роста и уровень образования, предъявляемый работникам. Человеку необходимо быть по возможности максимально универсальным в подобных условиях. А поскольку экономи-

ческий и технический прогресс требует пересмотра человеческой деятельности, постольку роли становятся незакрепленными и активными. Индивид, выбирая себе то или иное место в социальном пространстве, тем самым выбирает для себя вполне определенную идентичность. Однако в подобном непостоянном мире, где постоянно меняются положения в социуме, где сегодня наиболее «популярным, престижным, актуальным» является одно положение на социальной лестнице, а завтра совсем другое, индивид не может поручиться в том, что то положение, которое он занимает сегодня, завтра будет таким же по престижности и прибыльности. В подобных условиях неопределенности существования индивид выбирает для себя наиболее устойчивую принадлежность, а именно – этническую.

Необходимость обращения к проблематике этнической идентичности сегодня вызвана спецификой социально-политических реалий начала XXI в., предполагающей все более отчетливое обозначение поликультурности и полиэтничности мира в социальном дискурсе. Это связано, в частности, с тенденциями глобализации, выявляющими эклектичность, децентрированность и фрагментарность современной культуры. Плюральность мира, фиксируемая дискурсом мультикультурализма и превращенная в идеологию современного общества, стано-

вится основанием для обозначения культурных, экономических, стилевых различий в качестве этнических, обеспечивая возобновление риторики этноцентризма и вызывая необходимость новой постановки вопроса о месте идентичности в современности.

Этническая идентичность в современных условиях неизбежно трансформируется под влиянием процессов модернизации. Предполагается, что модернизационные процессы ведут к нивелированию этнических и культурных различий путем разрушения культурной изоляции малочисленных народов. В то же время современный мир демонстрирует тот факт, что этническая идентичность характеризуется устойчивостью, и по-прежнему определяет поступки и поведение людей.

Какое содержание вкладывается в понятие «идентичность»?

В переводе с латинского идентичность – *identicus* – тождественный, одинаковый, с английского *identity* переводят как тождественность, дословно – идентичность; как подлинность; и даже как личность, индивидуальность. Во французском *identité* – тождество, совпадение; *identique* – идентичный, тождественный, одинаковый, а также – равнозначный, аналогичный; *identifieur* означает идентифицировать, отождествлять и, кроме того, опознавать [9].

Согласно определению А. Турена, «идентичность – осознанное самоопределение социального субъекта» [14. С. 360].

Этническая идентичность – составная часть социальной идентичности личности – это разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения (территории) и, в определенной степени, государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой ее отличия от других этнических групп. Вместе с тем этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и оценка значимости членства в ней. Она дает человеку наиболее широкие возможности для самореализации.

Этническая идентичность подробно описана Н. Г. Скворцовым и понимается им как

специфическая форма идентификации, заключающейся в соотнесении человеком некоторых составляющих собственной определенности с рядом характеристик группы к которой он себя причисляет [6].

С. В. Чешко определяет этническую идентичность как «групповую идентичность, производную от имманентного человечеству социального инстинкта коллективности и “легитимизируемую” посредством представлений об общем происхождении и специфичности своей культуры» [10]. По мнению исследователя, если «очистить» этническую идентичность от всех «сопутствующих ей переменчивых факторов, внешних атрибутов, ситуативных проявлений», то она «обнаружит себя как недетерминированный никакими материальными причинами социальный инстинкт – инстинкт коллективности», которая представляет собой «единство двух противоположных начал – группирования и разделения» [Там же]. Таким образом, этническая идентичность «формируется как коллективная традиция» и «вырабатывается не индивидуальным опытом и даже не совокупностью индивидуальных опытов, а скорее обобщенным групповым опытом предыдущих поколений, который для последующих поколений теряет свой некогда конкретный смысл, превращаясь в религиозноподобную идею» [6].

Другими словами, этническая идентичность может рассматриваться как принадлежность личности в связи с ее идентификацией с этнической группой. Этническая идентичность – важная часть личностной идентичности.

Всестороннее развитие концепт идентичности получает в работах известного американского социального психолога Э. Эриксона.

Ученый определяет это понятие как чувство органической принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, свойственному данной эпохе. Идентичность личности предполагает, следовательно, гармонию присущих ей идей, образов, ценностей и поступков с доминирующим в данный исторический период социально-психологическим образом человека, принятие ею социального бытия как своего [12. С. 203–204]. По мнению Э. Эриксона, в природе человека изначально заложена потребность в психосоциальной

идентичности (т. е. «самотождественности», «верности» самому себе) [12].

В то же время достижение такой самотождественности (важнейшей характеристики целостности личности и ее зрелости) осуществляется в процессе идентификации человека с различными социальными группами – семьей, профессиональным цехом, этнокультурной общностью, государством. Э. Эриксон связал идентичность с переживанием индивидом себя как целого и ввел понятие «кризиса идентичности», который сопровождает человека на каждой стадии его культурного становления [Там же].

Г. Тэджфел в своей теории социальной идентичности говорит о том, что «социальная идентичность есть направление индивидуального знания о принадлежности к определенной социальной группе, имеющее эмоциональное и оценочное значение для индивида и его членства в группе» [1; 7]. Социальная идентичность определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу [13].

Согласно модели Тэджфела – Тернера, человек реализует базовую потребность в самоуважении посредством идентификации со «своей» группой, которую, соответственно, стремится оценивать позитивно, в сравнении с «другими» группами [4]. Высокий престиж «своей» группы дает человеку высокий субъективный статус и позитивную социальную (или этническую) идентичность. И наоборот: утрата «своей» группой позитивной определенности формирует негативную идентичность.

С точки зрения Д. Мида, человек обретает собственное «социальное Я» лишь в групповом действии, как бы примеряя на себя роли «обобщенных других». В отличие от Мида, у Э. Эриксона в качестве опосредующего инструмента идентификации (вместо «обобщенного другого») выступает «идеология». Поскольку «...именно в юности идеологическая структура среды становится для “эго” важной, потому что без идеологического упрощения мира “эго” юного человека не способно организовать опыт в соответствии со своими конкретными возможностями и все большей вовлеченностью в события» [12]. Социальный кризис характеризуется, как правило, нарушением «идеологической цельности» общества, расшатыванием ее прежней системы ценностей. При этом от-

дельные, наиболее одаренные индивиды попадают в состояние «психосоциального моратория», т. е. не принимают общепринятых ценностей, а формируют свою собственную, отличную от принятой систему ценностей [Там же. С. 677–679].

Иначе говоря, это и обособление данного сообщества от других, проведение границы между ними, выяснение степени близости или удаленности их социальной позиции («маркировка различий») от той, которая признается «своей», а значит, и является наиболее предпочтительной. Следовательно, «мы» с необходимостью предполагает психологическую оппозицию «они» (включающую представления о дифференцирующих признаках), поскольку общность «мы» не может быть определена вне «значимого другого» (Т. Парсонс). «Они», – это социальная общность, имеющая иной, более или менее отличный образ жизни, язык, культуру, иные экономические, политические и другие интересы и цели, ценности и имидж. Таким образом, идентификация невозможна вне сравнения, вне коммуникации, только в результате взаимодействия, прямого и опосредованного, с иной группой данная общность обретает свои «особые» признаки. Можно сказать, что идентичность – символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других. Однако, по нашему мнению, необходимо еще раз подчеркнуть, что позитивная идентичность – это, прежде всего, осознанная общность с позитивно значимыми другими (с «мы»), без жесткого противопоставления «мы» – «они». Негативная же идентичность – это консолидация общности «мы» на основе тотальной оппозиции негативно значимым другим («они»). В этом случае общность «мы» возникает и существует преимущественно благодаря жесткому противостоянию общности «они». Отсюда относительная неустойчивость негативной идентичности, «размывается» негативный образ «они», исчезает и фундамент такой идентичности (правда, как показывает политическая практика современной России, один негативный образ «они» может быть достаточно легко заменен другим). Архетипическая оппозиция «мы – они» лежит и в основе этнического самосознания, этнических отношений. Причем этот архетип является одним из самых древних. Так, Б. Ф. Поршнев полагал, что это психологическое размежевание, возможно, является отпечатком опыта столкно-

вения первых людей со своими животными предками, которые воспринимались как опасные и враждебные «нелюди» или «полулюди» [5. С. 83; 8].

В период неопределенности, переживаемый Россией в настоящее время, этническая идентичность выступает в качестве «аварийной группы поддержки» [7]. В СССР и кроме этносов существовали стабильные, могущественные группы, по отношению к которым очень многим людям удавалось сохранять позитивную групповую идентичность. При государственном социализме многие граждане СССР чувствовали себя полностью защищенными и оберегаемыми великой державой. Защиту человек, даже если он только декларировал коммунистические нормы и ценности, очень часто искал и у партии. Но времена изменились. Нет больше великой державы – СССР, могущественной партии, славного комсомола. Человек остался один на один с нелегкой жизнью и не знает, кто он такой, на какие ценности ему ориентироваться. Как никогда ему требуются защита и поддержка, так как распад СССР и советской системы повлекли за собой массовый «культурный шок» и потерю устойчивой социальной идентичности. А когда окружающий мир перестает быть понятным, начинается поиск групп, которые помогли бы восстановить его целостность и упорядоченность, защитили бы от трудностей пореформенной жизни [Там же].

И действительно, за последние годы в России появилось много новых групп, претендующих на эту роль – кришнаиты и хиппи, белое братство и рокеры. Предпринимаются попытки возродить уничтоженные за годы советской власти общности: действуют общества потомков дворян и купцов, все более активны «казацкие войска». Партии исчисляются десятками, если не сотнями. Но для большинства граждан России все эти группы не могут успешно выполнять ценностно-ориентационную и защитную функции из-за особенностей, о которых уже говорилось. Более того, очень часто эти объединения – во всяком случае на первом этапе своего существования – оказываются лишь инсценировками групп, если использовать термин, предложенный социологом Л. Г. Иониным (1996). Как он справедливо отмечает, в подобных группах превалируют внешние знаки идентификации: их члены осваивают символику одежды (сари, кожа-

ные куртки, казацкую форму), специфический жаргон, стиль движений и приветствий [Там же]. Многие люди «погружаются» в подобные субкультуры, но для большинства в период слома социальной системы необходимо «зацепиться» за что-то более стабильное, за намного более устойчивую группу. Как и в других странах, переживающих эпоху острой социальной нестабильности, в России такими группами оказались межпоколенные общности – семья и этнос.

В условиях неопределенности именно этническая идентичность, являясь характеристикой личности, состоящей в ощущении и переживании собственной принадлежности к определенной этнической группе, восприятием себя представителем конкретного народа, выполняет важную защитную функцию. Как своего рода компромисс между испытываемой многими в условиях неопределенности социальной ненадежностью и острой потребностью в защищенности – этническая идентичность становится для многих универсальной формулой ответа на вопрос о смысле существования и социального действия. Ибо идентичность является одним из важнейших механизмов личностного освоения социальной действительности, лежащего в основе формирования системы личностных смыслов. Неизменность этнического, проявляясь на обыденном уровне, составляет постоянную основу существования личности. При этом социальная сущность этнической принадлежности возводит ее до мировоззренческого ориентира в кризисные периоды жизни общества. Принадлежность к этносу фиксирует как биологическую, так и социальную принадлежность индивида. И несмотря на то, что кроме этнических существует масса других групп и отношений, влияющих на статус личности, этнические характеристики остаются их инвариантом.

Список литературы

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: МГУ, 1990. 240 с.
2. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
3. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. 1992. № 1.
4. Лебедева Н. М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликульту-

турных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 10–34.

5. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979.

6. *Скворцов Н. Г.* Проблемы этничности в социальной антропологии. СПб: Изд. 1997. С. 59–60.

7. *Собольников В. В.* Этническая идентичность: состояние, проблемы // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2002 (http://www.tolerance.ru/biblio/dzvalosh-1/multi/2_sobolnikov.html).

8. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь Русской культуры. М., 1997.

9. *Фадеечева М. А.* Этническая идентичность: индивид между холизмом и робинзонадой // Этническая идентичность и про-

блема этнотолерантности: пути преодоления этноцентризма в современных теориях и социальных практиках (http://ppf.uni.udm.ru/conf_2002/etnos.htm).

10. *Чешико С. В.* Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35–49.

11. *Eriksen T. H.* Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. L.: Boulder, 1993.

12. *Ericson E.* Insight and Responsibility. N. Y., 1964.

13. *Turner J.* The Experimental Social Psychology of Intergroup Behaviour // Intergroup Behaviour / Eds/ J. Turner, H. Giles. Oxford, 1981. P. 66–101.

14. *Touraine A.* Production de la societe. P., 1973.

Материал поступил в редколлегию 17.11.2007